

0-775330

На правах рукописи

НУГУМАНОВА АЛЬМИРА АФТАХОВНА

**МЕТАФОРЫ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ:
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

10.02.02 — Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Казань — 2009

Работа выполнена на кафедре татарского языка и литературы ГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумуллы»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Хабиров Лутфулла Гайфуллович
(г. Уфа)

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Баширова Илдида Басыйровна
(г. Казань)

кандидат филологических наук, доцент
Максимов Николай Валентинович
(г. Казань)

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Стерлитамакская
государственная педагогическая
академия им. З.Бишевой»

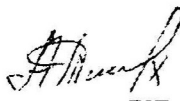
Защита диссертации состоится **31 марта 2009 года в 14 часов** на заседании диссертационного совета Д 022.001.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Казанского научного центра РАН (Республика Татарстан, г.Казань, ул.Лобачевского, 2/31).

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ «28» февраля 2009 г.
<http://www.ivali.antat.ru/dissertacii.html>. Режим доступа: свободный.

Автореферат разослан «28» февраля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000506664

А.А. Тимерханов

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Проблема метафоры в отечественной лингвистике исследовалась и в теоретическом, и в практическом отношении довольно успешно (Н.А.Арутюнова, Е.Ю.Ваулина, В.Г.Гак, В.П.Григорьев, Ю.Н.Караулов, Ю.И.Левин, Г.Д.Скляревская, В.Н.Телия и др.). В татарском языкознании метафорические единицы подвергались семантическому и лексико-грамматическому анализу в незначительной степени. Проблема метафоры остается нерешенной из-за многомерности и многоплановости этого языкового и литературоведческого явления. Исследование данной проблемы в разрезе лингвистики и поэтики представляется весьма интересным. Если стилистические функции метафорических единиц исследуются в татарской лингвистике довольно плодотворно (Р.С.Абдуллина, Г.С.Амиров, Г.Х.Ахатов, Г.Х.Ахуньянов, Л.К.Байрамова, И.Б.Баширова, Н.Исанбет, Х.Р.Курбатов, Р.Х.Мухиярова, Ш.А.Рамазанов, С.Ш.Поварисов, Ф.С.Сафиуллина, В.Х.Хаков, Н.Хисамов, Р.А.Юсупов и др.), то лексико-грамматической характеристике метафор уделялось сравнительно небольшое внимание. В силу этого, исследование проблемы метафоры в лексико-грамматическом и стилистическом аспектах в татарском языкознании является на сегодняшний день актуальным.

Цель и задачи исследования. Основной целью работы является лексико-грамматический и стилистический анализ именных и глагольных метафор татарского языка, особенности их употребления в художественных произведениях.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Исследование проблем генезиса метафор и метафорического мышления.
2. Выявление и описание именных и глагольных метафор.
3. Раскрытие сущности метафорического переноса и описание его видов.
4. Анализ метафорических единиц в лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом аспектах.
5. Выявление различий между общеязыковыми (узуальными) и индивидуально-авторскими метафорами.
6. Описание особенностей стилистического употребления метафор и приемов их функционирования в структуре художественного текста.

Объектом исследования являются именные и глагольные метафоры татарского языка.

Предметом исследования являются лексико-грамматические и стилистические характеристики именных и глагольных метафор в татарском языке.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые комплексно изучены особенности образования и функционирования именных и глагольных метафор в татарском языке, выявлены и описаны ранее неизвестные приемы использования метафор в структуре художественных произведений. В

результате исследования большого фактического материала поднимается и решается ряд вопросов, связанных с моделями метафорического переноса, с синестезией. Выявлены общие закономерности метафоризации существительных и глаголов. В частности, системное исследование глагольной метафоры позволяет сказать, что при метафоризации глаголы с конкретным вещественным значением преобразовываются в глаголы с отвлеченно-абстрактным значением.

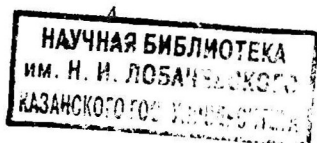
Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно способствует созданию упорядоченной системы взглядов на метафору как на лингвистическое явление и как на факт речи. Данная работа послужит фактическим материалом при дальнейшем изучении проблем метафоры. Научные результаты исследования помогут систематизировать круг проблем, связанных с сущностью метафорического переноса, конкретизировать отношение к метафоре как к лексическому материалу.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов в процессе преподавания курсов «Лексикология», «Стилистика», а также спецкурсов по поэтике художественных произведений и фольклора. Собранные материалы могут быть использованы при составлении словаря метафор татарского языка.

Кроме этого, материалы диссертации могут быть востребованы для разработки спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам лингвокультурологии и сопоставительного исследования отдельных лексико-семантических групп.

Методологической основой исследования послужили основные положения теории метафорического моделирования действительности, нашедшие отражение в трудах таких зарубежных ученых, как М.Блэк, А.Вежбицкая, Д.Дэвидсон, С.Ульман, Т.Хавкес, а также отечественных ученых, таких как Н.А.Арутюнова, А.Н.Баранов, М.М.Бахтин, В.В.Виноградов, В.Г.Гак, Ю.И.Левин, В.Н.Телия, Б.В.Томашевский, Г.Д.Скляревская, и в трудах известных татарских ученых Г.С.Амирова, Г.Х.Ахатова, И.Б.Башировой, Х.Р.Курбатова, С.Ш.Поварисова, Ш.А.Рамазанова, Ф.С.Сафиуллиной, В.Х.Хакова, Р.А.Юсупова и др.

Методы исследования. Для решения поставленных в диссертации задач были использованы различные методы, позволяющие всесторонне изучить такое сложное лингвистическое явление, как метафора. В работе был применен антропоцентрический подход к анализу метафорических единиц, сочетающийся с системным подходом. При исследовании именных и глагольных метафор также применялся метод комплексного анализа. Семантический анализ именных и глагольных метафор производился методом компонентного анализа с привлечением логического анализа и интроспекции. Каждый из этих методов использовался на определенном этапе работы.

Материалом для исследования послужили тексты произведений татарских писателей и поэтов, а также тексты из периодической печати и тексты устного народного творчества.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и одобрена на расширенном заседании кафедры татарского языка и литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы.

Основные результаты исследования были апробированы в виде выступлений на итоговых научных конференциях профессорско-преподавательского состава Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (2003-2008), Стерлитамакской государственной педагогической академии им. З.Бишевой (2008). Основные положения диссертационного исследования нашли отражение на страницах научно-методических журналов «Башкортостан укытыусыһы» (апрель, 2006; ноябрь, 2008), «Ядкяр» (март, 2006), «Вестник БГУ» (февраль, 2008).

По теме диссертации издано 11 научных публикаций, из них одно — монографическое исследование (2008).

Структура работы определяется ее задачами и отражает основные этапы исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы.

Содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, выявляется степень научной разработанности составляющих ее аспектов (направлений), определяются объект, предмет и материал исследования, формулируются цель и задачи исследования, описываются методы проведения исследования, излагаются методологические основы работы.

Первая глава — «Теоретические основы изучения метафоры» — состоит из трех разделов и представляет собой довольно подробное изложение состояния изучения интересующей нас проблемы в зарубежной лингвистике, русистике, тюркологии и в татарском языкознании, что дает возможность оценить степень изученности различных ее аспектов. Здесь метафора рассматривается как сложный феномен, заключающий в себе образное наглядное мышление и представления первобытных людей.

Первый раздел — «Состояние изучения метафоры в языкознании» — рассматривает вопросы определения понятия метафоры, состояния ее изучения в общем языкознании, а также в татарской лингвистике. Метафора на данный момент представляет собой сложное логическое и языковое явление. Исследования последних лет показывают, что метафора активно участвует в формировании языковой картины мира индивидуума, интегрирует вербальные и чувственно-образные системы человека, также она является ключевым элементом мышления и восприятия окружающей действительности.

Метафора, прежде всего, языковое явление и потому должна, в первую очередь, получить исчерпывающую интерпретацию в лингвистике. Основы изучения метафоры как языкового явления, отражающего принципы и механизмы взаимосвязи языка с миром, были заложены еще А.А.Потебней (1905) и развиты Л.С.Выготским (1956). Лингвистическое объяснение строения и функционирования метафоры (в плане семасиологии, грамматики и стилистики) позволяет взглянуть на метафору как на системное языковое явление.

Дальнейшее развитие теоретических основ проблема метафоры получила в трудах зарубежных и отечественных ученых (Ш.Балли, М.Блэка, М.Джонсона, Э.Кассирера, Дж.Лакова и др., а также Н.А.Арутюновой, А.Н.Баранова, Е.Ю.Ваулиной, В.В.Виноградова, В.Г.Гака, С.С.Гусева, Ю.Н.Караулова, Ю.И.Левина, А.А.Потебни, Г.Д.Склярёвской, В.Н.Телии, Л.В.Щербы, Д.Н.Шмелева и др.). В них данная проблема исследовалась в гносеологических, логических, семасиологических, ономазиологических, лингвостилистических, экспрессиологических, лексикографических аспектах.

В тюркологии, в том числе и в татарском языкознании, свой вклад в изучение метафоры внесли Г.С.Амиров, Г.Х.Ахатов, К.А.Ахметьянов, И.Б.Баширова, Х.Р.Курбатов, С.Ш.Поварисов, В.Ш.Псянчин, Ш.А.Рамазанов, Ф.С.Сафиуллина, В.Х.Хаков, Р.А.Юсупов и др.

Первые попытки научного истолкования метафоры встречаются у Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана. Например, Аристотелю принадлежит одна из первых лингвопозитических классификаций метафор, на которую ссылаются почти все современные исследователи. Классическое определение понятия метафоры звучит так: «Метафора — перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» (Аристотель, 1957, 66).

Способность метафоры участвовать в процессах вторичной и косвенной номинации можно определить как ее номинативную функцию. Помимо номинативной, образной (изобразительно-выразительной) и экспрессивно-оценочной функций, метафоры выполняют в языке и концептуальную функцию, которая основывается на их способности формировать новые концепты.

В этом разделе также представлен обзор двух принципиально различных направлений в области метафор — семантического и когнитивного. С позиции первого, механизм и результат переноса описывается посредством концепции значения (М.Блэк), в рамках второго — основную роль играет «знание» (Дж.Лаков, М.Джонсон).

Во втором разделе — «Проблема генезиса метафор» — освещены вопросы, связанные с причинами и способами происхождения метафор. На начальном этапе своего возникновения метафора базируется на мифологическом сознании и представлении. Согласно А.А.Потебне, «как сам миф являлся метафорой, так и язык «мифологической стадии» был полностью метафоричен»

(Потебня, 1976). О том, что на архаичной стадии развития человечества слово становится образным по «необходимости», говорит и Э.Кассирер (1990).

Возникшие на основе метафорического переноса фразеологизмы в татарском языке такие как *жир кучаре* (ось земли), *алтын багана* (букв. золотой столб), *кук капусы* (букв. ворота неба) тесно связаны с татарскими мифами.

Если на начальном этапе своего зарождения метафора восходит к мифологическому сознанию и предметно-образному представлению, то последующий этап связан с ассоциативным мышлением, которое является сложной формой познания действительности.

На более раннем этапе возникновения переносного значения метафорические формы создавались преимущественно на основе сходства формы: *кеше авызы* — *куыш авызы* (рот человека — рот пещеры); цвета: *кара жир* — *кара урман* (черная земля — черный лес); вкуса: *тамле ит* — *тамле йокы* (вкусное мясо — вкусный сон); функции: *кеше кендеге* — *жир кендеге* (пуп человека — пуп земли). С изменением и развитием познавательных способностей человека по отношению к окружающим его предметам менялось и расширялось человеческое сознание. С одной стороны, это привело к отделению омонимов от полисемантических слов. С другой стороны, метафора дала основу для образования еще более сложных видов ассоциаций. Например, *үсемлек тамыры* — *сүз тамыры* (корень растения — корень слова); *каты жир* — *каты кул* — *каты холык* (твердая земля — твердая рука — твердый характер).

Физиологи С.Спрингер и Г.Дейч связывают ассоциативность с деятельностью правого полушария человеческого мозга (Спрингер, 1983). Получается, что правое полушарие «ответственно» в происхождении метафор. Интерпретация метафоры с позиции физиологии высшей нервной деятельности явно свидетельствует о том, что в метафоре нет элемента сознательного, последовательного переноса значения (Скляревская, 1993, 52). В этом случае метафору мы воспринимаем не посредством выводов и умозаключений, а непосредственно образно.

Метафоризация (перенос значения) — исторически развивающийся и изменяющийся процесс. На одном этапе языкового развития могут преобладать одни образные средства и приемы метафорического словоупотребления, другому этапу присущи совершенно иные возможности метафоризации. Метафоры часто указывают на какую-то конкретную эпоху. Например, *жир кендеге* (букв. пуп земли), *ай тотылу* (букв. задержка луны) основаны на мифологических верованиях, а метафоры *оҗмах бакчасы* (букв. райский сад), *Сөләйман йөзеге* (перстень Сулеймана) связаны с религиозными воззрениями мусульман. Сегодня происхождение метафор связывают и с достижениями когнитивной науки (А.Н.Баранов, И.М.Кобозева, Е.С.Кубрякова, А.П.Чудинов). По результатам исследований когнитологии метафора признается главным инструментом мышления, находящемся в понятийной сфере человека.

Проблема генезиса предполагает также выяснение способов образования метафоры. Татарский лингвист Х.Р.Курбатов (2002) выделяет четыре способа образования метафор: 1) обозначение абстрактного понятия через конкретное понятие: *Белем — тиз бозыла торган товар* (Знание — быстропортящийся продукт); 2) обозначение одного конкретного понятия через другое на основе какого-либо внутреннего или внешнего сходства: *бәллүр калам* (хрустальный карандаш); 3) обозначение одного абстрактного понятия через название другого абстрактного понятия: *акыл потенциалы* (потенциал ума); 4) приписывание свойства одушевленности предметам неодушевленным, т.е. олицетворение: *урман йоклый* (лес спит). С.Ульман отмечает три универсальных типа метафоризации: антропоморфизм, перенос от конкретного к абстрактному и синестезию. Он указывает, что внутри первого типа гораздо чаще происходит метафорический перенос из антропологической среды в неантропологическую (напр. *горлышко бутылки, ручка двери*). На наш взгляд, это не совсем верно. Типологическая классификация источников метафор показывает, что если сравнить живую и неживую природу как источника метафоризации, обнаруживается, что при образовании метафор-существительных неживая природа участвует в большей степени.

В третьем разделе — «Соотношение метафоры с другими изобразительными средствами. Явление синестезии» — рассматриваются вопросы взаимодействия метафоры с другими изобразительными средствами языка, а также вопросы соположения метафоры среди них. Основным принципом построения метафоры является принцип сравнения, ибо двуплановость предмета выявляется при сопоставлении его с другими предметами.

В этом разделе выявляются и описываются сходства и различия между метонимической и метафорической группами. Первое отличие между ними состоит в том, что в метафорической группе (сравнение, метафора, метафорический эпитет) перенос наименования осуществляется на основе аналогии, а в метонимической группе (метонимия, синекдоха) перенос совершается на основе пространственной смежности. Второе отличие между ними заключается в том, что метафора при помощи аффиксов, постфиксов может перерасти в сравнение, а метонимию и синекдоху невозможно развернуть этими грамматическими средствами. Третье отличие между ними связано с их семантической функцией в предложении. «Метонимия обращает внимание на индивидуализирующую черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделяя его из области наблюдаемого, метафора же дает сущностную характеристику объекта» (Арутюнова, 1990, 32). К уже имеющимся отличиям мы бы добавили еще одно, которое связано с их синтаксической функцией. В предложении метонимия не может выступать в роли предиката, метафора, в отличие от нее, связана с предикатной позицией. Основное различие между метонимией и метафорой состоит в том, что они, являясь способом вторичной

номинации, относятся к разным ее типам: метонимия является непрямой вторичной номинацией, метафора косвенной вторичной номинацией. Объединяет метонимическую и метафорическую группы сам процесс переноса значения.

Самым простым изобразительным средством в метафорической группе является сравнение, имеющее семантическую общность с метафорой. Многие ученые напрямую соотносили их друг с другом. Различие между ними они видели в структурной организации этих изобразительных средств. Наиболее древняя классификация метафоры, предложенная Аристотелем, строится на структурном принципе. По своей структуре метафоры делятся на двучленные (*in praesentia*), в которых представлены оба сближаемых объекта, и на одночленные (*in absentia*), в которых отсутствует сравниваемый объект, и где метафора представлена одним словом, обозначающим то, с чем сравнивается. Ведь в отличие от обычного сравнения в метафоре описываемый объект и объект, с которым он сравнивается, как бы сливаются.

Идеи М.Блэка о двучленной структуре метафоры развиваются в настоящее время в русле когнитивной лингвистики. Двучленную метафору генитивной формы (например, *шик корты* «червь сомнения») называют еще метафорой-сравнением (Левин, 1998; Григорьев, 1979). Такие ученые, как Н.Исанбет (1959), В.И.Сорокин (1960), Г.Л.Абрамович (1975), считая метафору скрытым сравнением, по-разному относились к этому термину. У Г.Л.Абрамовича и у Н.Исанбета «скрытость» проявляется в том, что в структуре метафоры сохраняются оба компонента, но отсутствует связка (*куз — дэрья* «глаз — океан»). По В.И.Сорокину же, «скрытость» сравнения связана с опущением связки и сравниваемого компонента. Например, *Теге елан килеп кермасенме!* (Как появится та змея!).

Но не каждая сравнительная конструкция может быть трансформирована в метафору. Нам представляется, что это прерогатива общеязыковой метафоры, так как в этом случае общий семантический элемент, связывающий исходное и переносное значения, весьма прозрачен. Попытка связывать образование метафор с действием сравнения и установлением сходства и аналогии между ними не всегда удачна. Установить общий признак у сравниваемых объектов часто не представляется возможным, особенно в отношении художественных (индивидуальных) метафор.

Метафора и метафорический эпитет тоже пересекаются в одной плоскости. Нами отмечены их различия в структурно-семантическом плане: метафора представлена двумя сравниваемыми объектами, метафорический эпитет, т.е. метафора в роли определения, представляет собой ассоциативный признак, участвующий в семантической трансформации, и вступает в конкретизирующее отношение с объектом, который сравнивается. Например, *кэкре-бөкре бөрмале тавышлар* (букв. криво-изогнуто-оборчатые голоса).

В связи с метафорическим эпитетом в работе исследовалась и синестетическая метафора. Человек находится в центре мироздания и воспринимает этот мир через понятия, выраженные сенсорной лексикой: «свет», «цвет», «звук», «запах», «вкус». «Играя» на своем «денотативном поле», они вступают в семантические отношения, отражающие реальные связи, естественные свойства вещей: *тамле азык* (вкусная пища), *канкызыл шафакъ* (багровый закат) т.д.

Но часто человек воспринимает материальный мир синкретно, нерасчлененно. Смешение, взаимодействие ощущений называют еще синестезией (Галеев, 2003). При синестезии ощущения (слуховые, зрительные и т.д.), полученные от воздействия конкретных предметов, переносятся на явления, которые таким действием не могли обладать. Часто от самого перенесенного содержания не остается ничего, на первый план выдвигается или синкретизм чувств, или ассоциация признака аналогии между производимыми впечатлениями. В качестве общего элемента, признака мотивации чаще всего выступает общность оценки или эмоционального впечатления от сопоставляемых объектов (эмоциональные впечатления конструктивного или деструктивного характера: «хорошее/плохое», «приятное/неприятное», напр.: *йомшак тавыш* «мягкий голос» (ср.: *йомшак чэчлэр* «мягкие волосы»), *кара уйлар* «черные мысли» (ср.: *кара төн* «черная ночь»).

На наш взгляд, в языке термин «синестезия» целесообразно употреблять в отношении к эмпиричным качественным прилагательным, так как именно их семантика содержит какой-либо признак, воспринимаемый органами чувств.

В татарском языке, как и в других языках, имеется огромный пласт эмпиричных прилагательных, обозначающих вкусовые, обонятельные, зрительные, осязательные и звуковые ощущения. Они, скрещиваясь между собой, порождают целые пучки метафорических образований, называемых синестетическими метафорами. Если в научной литературе активно применяется термин «цветозвук», обозначающий зрительно-слуховой метафорический перенос (напр.: *яшелле-кукле тавышлар* «зелено-голубые голоса», *учакларнын якты кычкыруы* «светлый крик костров»), то, по нашему мнению, уместно было бы ввести в употребление и термины «вкусозвук», «цветовкус», «звукзапах» и т.п. Ведь источником синестезии являются и области звука (*кычкырып торган буяулар* «кричащие краски»), и область осязания (*туңган төс* «замерзший цвет»).

Во второй главе — «Именные метафоры» — рассматриваются особенности образования именных метафор, формы и способы метафорического переноса.

В современном татарском языке метафоры выражаются при помощи различных лексических единиц и словосочетаний. По способу грамматического выражения метафоры в татарском языке подразделяются на две группы: 1) метафоры-существительные, 2) метафоры-глаголы.

В первом разделе — «Тематические группы источников именных метафор» — источники именных метафор рассматриваются по тематическим группам. Классификация источников метафоризации производится в соответствии с членением реальной действительности в языковом сознании. Очевидной оказалась неравномерность в общем процессе метафоризации. В татарском языке, как и в других языках, в первую очередь, метафоризации подвергаются наименования предметов и естественных родов, так как их значения более дескриптивны (многозначны) и диффузны. Источники метафоры (вслед за З.И.Будаговой, А.И.Ефимовым, Р.А.Юсуповым) склонны распределить по 13 тематическим группам: 1) наименования природных явлений и небесных тел: *кашы – салават күпере* (брови — радуга), *азатлык кояшы* (солнце свободы); 2) названия животных и птиц: *атлавы – аккош* (походка — лебедь), *кашы – карлыгач* (брови — ласточка); 3) названия растений и их частей: *буе – камыш* (стан — тростник), *кирәкле кишер яфрагы* (букв. нужный лист моркови); 4) названия предметов быта и их частей: *кар мөндәре* (подушка снега), *тормыш камчысы* (кнут жизни); 5) наименования драгоценных металлов и камней: *Иреннәре – Вәдәхшанның якуты* (Губы — рубин Вадахшана) (Котб); 6) наименования пищевых изделий: *алмам* (яблоко мое); 7) названия частей тела человека: *күңел канаты* (крыло души); 8) названия лиц: *Мәҗнунме син...? Ә мин – Ләйләң* (Ты — Меджнун...? А я — Лейла) (Р.Гаташ); 9) наименования профессий, титулов, социального положения: *эш колы* (раб работы), *күңел табибы* (лекарь души); 10) слова, обозначающие физическое и психическое состояние: *көз сагышы* (печаль осени), *жир йокысы* (сон земли); 11) названия предметов и понятий, связанных с атрибутами мистического, фантастического миров, с религией: *Нәфес – шайтан* (Алчность — шайтан); 12) названия утвари, построек: *Алла йорты* (дом Аллаха), *тормыш баскычы* (лестница жизни); 13) наименования времен года и суток: *яшьлек иртәсе* (утро молодости), *тормыш көзе* (осень жизни).

Среди этих тематических групп более обстоятельно исследована зоонимическая группа. Зоонимическая метафора охватывает многие стороны человеческой личности: внешний облик (рост, телосложение и т.д.) человека — *тутый кош* (павлин), характер — *этәч* (петух), поведение — *эт* (собака), социальный статус — *буре* (волк). Зоонимическая метафора помогает раскрыть, с одной стороны, универсальные особенности в характере человека, с другой стороны, специфические особенности его характера и поведения. Например, во многих языках слово *собака* указывает на злого человека, однако в татарском языке данное слово — метафора семантически поляризуется и начинает выражать и мелиоративную (положительную) оценку. В данном случае затрагиваются вопросы семной структуры языковой метафоры, рассматриваются семантические процессы, формирующие метафорическое значение, вопросы соотношения сем в исходном и метафорическом значениях. Выявлено, что коннотативный признак, служащий основой метафорического переноса, не

входит в основное значение слова и нерелевантен для исходного значения (эта мысль последовательно проводилась В.И.Телией и Д.Н.Шмелевым). Например: куян 1. кимеручелэр отрядыннан озын колаклы кечерэк бер жәнлек; 2. перен. куркак кеше (ТТАС, 1979, 202). Действительно, если в номинативном значении слова *куян* (заяц) сема 'куркаклык' (трусость) является потенциальной (коннотативной), т.е. не входит в денотативное ядро, лишь отражая некое приписываемое человеком этому животному качество, то в языковой метафоре *куян* сема 'куркаклык' (трусость) становится дифференциальной, определяя семантику лексического значения в целом и его денотат. Зоонимическая метафора содержит активную мелиоративную или пейоративную оценку тех качеств, которые репрезентированы в метафоре актуальной семой.

Источники метафоризации универсальны для всех языков, но существует и национальный образ мира. Ведь, несмотря на единство мира как объекта познания и отображения его в языках, разные народы по-разному осмысливают и осваивают реальную действительность, на которую оказывают влияние географические и социальные условия проживания народа, образ жизни, традиции и обычаи данного социума.

Во втором разделе — «**Метафоры, образованные на основе семантических разрядов существительных**» — рассматриваются особенности образования метафор на основе семантических разрядов существительных, виды метафорического переноса в пределах этих семантических разрядов. Здесь можно говорить о системном характере типов метафорических переносов при переносе значений из одной понятийной сферы в другую. Системность также отчетливо проявляется в осуществлении метафоризации в пределах шести тематико-семантических сфер: «Человек», «Животный мир», «Физический мир», «Предмет», «Психический мир», «Абстракция» (классификация заимствована у Г.Н.Скляревской).

Конкретные существительные обозначают названия живых существ и предметов реальной действительности, названия различных событий, происшествий, явлений природы, временные и пространственные единицы. В этом случае под термином конкретные существительные мы объединяем четыре сферы: «Человек», «Животный мир», «Физический мир», «Предмет». Тематико-семантическая сфера «Предмет» является обширным источником метафоризации. В этой сфере метафорический перенос осуществляется в следующих направлениях:

- 1) предмет→предмет: *Беләге — фил сөяге* (Ее рука — слоновья кость);
- 2) предмет→человек: *Балалар икебез өчен дә тере богау булачаклар* (Дети станут для нас обоих живыми кандалами);
- 3) предмет→физический мир: *таңнар — гөлләр* (рассветы — цветы) (Р.Гаташ);
- 4) предмет→психический мир: *йокы чүлмәге* (горшок сна);

5) предмет→абстракция: ...*динемезнең чырагы* (лучина нашей религии) (Әхмәт Ясави).

Тематико-семантическая сфера «Животный мир» также является источником для образования метафор и отражается в сферах:

1) психической жизни: *Ул музыка урынына мәче чыгара* (букв. Он вместо музыки выводит кошку);

2) физической жизни: *Суык — яралы аю* (Холод — раненый зверь);

3) человека: *Торна Сәлимә* (Журавль Салима);

4) абстракции: *намусымның сәлеге* (пиявка совести) (Р.Харис).

Хоть и редко, но тематико-семантическая сфера «Человек» также подвергается метафоризации и ее объектом становятся сферы: 1) человека: *Госман Пушкин*; 2) психического мира: *Монысы әле бары тик кичерешларнен баласы гына булган икән* (букв. А это, оказывается, было всего лишь дите переживаний); 3) животного мира: *кошлар патшасы* (царь птиц); 4) предмета: *Өй алдындагы кәкре каен нәкъ Сабир картның үзе* иде (букв. Кривая береза перед домом точь-в-точь была стариком Сабиром); 5) абстракции: *Вақыт — табиб* (Время — лекарь).

Будучи источником метафоризации, тематико-семантическая сфера «Физический мир» осуществляет метафорический перенос в следующих направлениях: 1) физический мир→психический мир: *жәң жылысы* (тепло души), *күңел бураны* (буря сердца); 2) физический мир→предмет: *китап яктысы* (свет книги); 3) физический мир→человек: *шагыйрьнең офыгы* (горизонт поэта) (Р.Миннуллин); 4) физический мир→абстракция: *яшьлек иртәсе* (утро молодости).

К абстрактным именам существительным относятся слова, обозначающие отвлеченные понятия. Существует мнение, что лексика, относящаяся к психическому миру и абстракции, не может метафоризоваться (Скляревская, 1993; Гатинская, 2001). Чаще всего абстрактные имена существительные выступают в роли объекта метафоризации, в этом случае они рассматриваются через призму конкретных физических явлений. Например,

Акыл — куз кабагы яшермәгән тынгысыз куз

(Ә.Гадел)

(Разум — это неупрятанный веком непоседливый глаз)

(подстрочники наши — А.Н.).

Стремление к опредмечиванию абстрактных понятий проявляется в метафоризации существительных, обозначающих части человеческого тела, продуктов питания, явлений быта. Но в художественной литературе встречается перенос, например, и в направлении от «Абстракции» к «Человеку»: *Мин — Чынлык* (Я — Истина) (С.Рәмиев); от «Абстракции» к «Абстракции»: *хисләр агымы* (поток чувств).

Вещественные и собирательные существительные также вовлекаются в процесс метафоризации. Например, *Халык — сарык көтүе* (Народ — стадо

баранов) — перенос от Животного мира к Человеку; *кар гаскәре* (войско снега) — перенос от Человека к Предмету; *гыйшык гаскәре* (войско любви) — перенос от Человека к Абстракции. В художественной речи вещественные существительные часто являются метафорами: *иреннәре* — кызыл чия (губы — красная вишня), *күзләре — кара бөрлегән* (глаза — черная брусника) и т.

Имена собственные, составляющие особую группу в составе семантических разрядов имен существительных, также активно метафоризируются. В художественной литературе много образцов метафор — собственных имен: это образы батыров из сказок и мифов — *Гали*, *Рөстәм* (у Г.Тукая), *Тимер батыр* (букв. Железо батыр) (у Г.Рахима), *Алпамша и Алып* (у А.Гаделя). Татарский фольклор также изобилует такими яркими персонажами, являющимися источниками метафоризации, например: *Камыр батыр* (букв. Тесто батыр), *Мәнди анасы* (букв. Мендиева мама), *Хорәсән ялкавы* (букв. ленивец Хорасана), *Таһир*, *Зөһрә*, *Салам-Торхан* и др. В последнее время такие абстрактные слова как *вакыт* (время), *мәхәббәт* (любовь) и т.п. приобретают новое содержание, воплощая в себе общечеловеческие идеи, и как будто становятся именами собственными. Например, *жан өшеткеч Вақыт эзләре* (холодящие душу следы Времени) (Зөлфәт).

Таким образом, очевидно неравномерность участия тематико-семантических сфер в общем процессе метафоризации. Самым активным источником метафоры является сфера неодушевленных реальных понятий, т.е. сфера «Предмет», по активности употребления за ней следуют сферы «Человек», «Животный мир», «Физический мир». Лексика тематико-семантических сфер «Психический мир» и «Абстракция» метафоризируется значительно реже. Объектом регулярной метафоризации могут быть все стороны бытия, от наименований конкретных вещей до абстрактных понятий. Это те предметы и явления действительности, которые не просто связаны с познавательной деятельностью человека, но и способны порождать образное представление, воспринимаемое органами чувств.

В третьем разделе второй главы — «Выражение именных метафор в различных видах связи слов в предложении» — осуществлен анализ субстантивных метафор в синтаксической связи между словами в предложении. В работе нами выявлено, что метафора активно участвует в образовании предикативной связи в предложении. Употребление метафоры в роли таксономического предиката берет начало в татарском языке с древних времен. Например, *Бел: гыйлем — нур ул* (Знай: знание — это луч) (Утыз Имәни). Метафора в позиции предиката дает возможность выразить основную мысль коротко и ясно, т.к. такая метафора лишена синтаксической подвижности, «она не принимает ни аспектирующих, ни уточняющих, ни обстоятельственных модификаторов» (Арутюнова, 1990, 27). В роли предиката метафора выполняет функции оценки, характеристики. Характеризация может быть объективной и субъективной. Например, в предложениях *Сентябрь — көзе басу* (Сентябрь —

осеннее поле); *Кух төнлә бит – карак* (Небо ведь ночью — вор) метафоры *көзге басу* и *карак* являются средством субъективной оценки, а в предложении *Китан – белем чиишмәсе* (Книга — родник знаний) оценка книги объективна.

Метафоре в роли субъекта действия Н.Д.Арутюнова отводит номинативную роль. Нам кажется, подобные метафоры выполняют и функцию характеристики. Например, *Совет чикләрендә ач шакаллар йөри таң ката* (По утрам голодные шакалы бродят у границ Советов). Актантная позиция метафоры часто предполагает наличие указательного местоимения, иначе метафора понимается как исходное значение того слова, знаком которого она выражена: *Бу аждаһа, кара болыт булып, бөтен Себерне, Уралны каплап алды* (Этот дракон, как черное облако, покрыл весь Сибирь, Урал) (Г.Ибрагимов).

В работе метафоры рассматриваются и через призму конкретизирующей связи слов в предложении. В конкретизирующей связи одно слово поясняет, конкретизирует понятие, выраженное основным словом. Аналогичным образом строится метафорическое словосочетание. Однако в метафорическом словосочетании между компонентами устанавливается тесная взаимосвязь за счет метафоризации компонентов, составляющих данное словосочетание. Например, *тавык йөрәк* (букв. куриное сердце), *агач авыз* (букв. рот-дерево) и др. Как видно, в таких метафорических словосочетаниях компоненты теряют свое денотативное значение, благодаря взаимосвязи между компонентами возникает коннотативное переносное значение.

В татарском языке на основе метафорического переноса значений возникают прозвища типа *Куян Хәмите* (Зяц Хамит), *Әтәч Нәгыйме* (Петух Нагим). Данные формы прозвищ образуются на основе конкретизирующих отношений между компонентами по тюркскому изафету.

Каждая эпоха порождает свою систему метафор, построенных на конкретизирующем виде связи в предложении. Например, *гомер аждаһасы* (дракон жизни) (Навои), *гөнаһ туге* (свадьба греха) (М.Колый), *ваемсызлык иле* (букв. страна безразличия) (З.Насыйбуллин). В этих метафорах, как видно, отображаются значительные явления в жизни общества (на примере *гөнаһ туге* выражается идеология суфизма).

На основе пояснительного вида связи возникают своеобразные метафорические конструкции, аналогичные приложениям русского языка. Например: *жир-Ана* (земля-Мать); *Идел-Йорт* (Волга-Дом); *Урал-бабай* (Урал-дед); *болганчык су-жыр* (мутная вода-песня) и др.

В татарском языке широко распространены конструкции пояснительных отношений, где в роли пояснительной части выступает метафорическое выражение, находящееся в постпозиции по отношению к поясняемому слову. Например, *жыл, сыбызгы, ...* (ветер, свистулька); *жыл, морҗа сандугачы, ...* (ветер, соловей дымохода) (Һ.Такташ).

В языкознании метафорические словосочетания изучались с разных позиций: исследовались вопросы смысловой связи между компонентами,

морфологического выражения компонентов метафор, средств связи между компонентами (Рыньков, 1968; Хайруллина, 2001; Байрамова, 2001; Загребин, 2005; Гальперин, 2006).

Третья глава – «Глагольные метафоры» – состоит из четырех разделов. В первом разделе – «Особенности образования глагольных метафор» – особое внимание уделяется способам и особенностям образования этого вида метафор. На образование глагольной метафоры влияет специфика субъектно-объектных отношений глагола. Сложность классификации глагольной метафоры заключается, прежде всего, в том, что метафоризация каждого глагола может быть результатом одного из трех семантических процессов. Во-первых, образование метафорического значения может происходить при переносе приглагольного субъекта из одной семантической сферы в другую, при этом глагольный предикат претерпевает семантические изменения, благодаря приобретению им определенной коннотации. Например, в предложениях *Тэймалар ычкынды — Егет ычкынды* (Расстегнулись пуговицы — Парень тронулся умом) глагол действия *ычкыну* (расстегиваться), метафоризируясь, переходит в разряд глаголов, обозначающих поведение производителя действия. Во-вторых, причиной метафоризации может послужить перенос объекта действия: *китап сатты — дустын сатты* (продал книгу — продал друга). В-третьих, возможно сохранение субъекта (и объекта действия для переходных глаголов) с изменением лишь содержания действия при метафоризации: *аска төшерде — ул «төшеререз» ярата* (опустил вниз — он любит «поддавать»).

Метафоричность глаголов основана на контаминации прямого и переносного значений. Критерием для выделения метафорических значений служат, прежде всего, синонимические связи. Например, в выражении *туп чөү* (подбрасывать мяч) значение слова *чөү* прямое. Синонимом в этом случае будут слова из того же лексического ряда: *ыргыту* (кидать) *бэру* (бросать), *ташлау* (швырнуть).

При метафорическом использовании этот глагол вступает в иные синонимические отношения. Для выражения *борын чөү* (задирать нос) эквивалентными будут слова другого синонимического ряда: *масаю* (зазнаваться), *эрелэну* (важничать), *кылану* (воображать).

В работах по метафоре часто встречается утверждение о том, что литературный язык использует две противоположно направленных модели переноса — от окружающего мира на человека и от человека на окружающий мир и что они неравноправны: главная из них — вторая (см. Арутюнова, 1979, 1990). Традиционно этот перенос называют антропоморфизмом.

При метафоризации, связанной с переносом от окружающего мира на человека, глагол, относящийся к литературному языку, переходит в разряд сленговых. Это так называемый общий сленг, лексика, которую население, вне зависимости от возраста, образования и профессии, использует в непринужденном личном общении (а в современной социолингвистической

ситуации даже в публичной речи): *сызарга* (букв. чертить в значении «быстро уйти»), *ычкынырга* (букв. отцепиться в значении «уйти»). Как видно, это не индивидуальная ошибка, возникающая в результате нарушения нормы языка, а лежащие за пределами языка производные сленговые значения слов.

Второй раздел — «Тематическая классификация глаголов как источников образования метафор» — посвящен анализу тематических групп глаголов, легших в основу процесса метафоризации. Нами выделены следующие тематические группы: 1) глаголы движения: *боргаланырга тору* (пытаться хитрить, выкручиваться); 2) глаголы действия: а) глаголы конкретного действия — *ирне игәүләү* (пилить мужа), б) глаголы абстрактного действия — *арт сабагын укыту* (букв. дать урок по заднице); 3) глаголы, обозначающие: а) конкретный процесс — *хисләр сүсәру* (букв. чувства растрепаются), б) абстрактный процесс — *давылланьп йөрү* (витать в облаках), в) процессы, происходящие в природе — *давылланьп йөрү* (бушевать); 4) глаголы состояния: *Бөтен типография меньшевизм авыруы белән чирли* (Вся типография болеет меньшевизмом) (Ш.Камал); 5) глаголы отношения: автоматам *итте хыялнәт* (автомат мой предал меня) (М.Жәлил); 6) глаголы поведения: *хәйямлану* (уподобиться Хайяму) (именно такой окказиональной метафорой называет поэт Н.Арсланов один из творческих циклов Р.Гатауллина); 7) глаголы звучания: *Бервакыт авылдан китте дә шаулады ул* (Однажды он ушел из деревни и прославился); 8) глаголы речи: *Эткәй үлгән көнне язмыш мине иске каеш биреп алдаган* (В день смерти отца судьба обманула меня, вручив старый ремень) (Х.Әюп); 9) глаголы чувственного восприятия: *эти күңелен күрү* (угодить отцу); 10) глаголы мимемы (образоподражания): күзләрдә... куштанлык *елтырады* (В глазах заблестело угодничество) (Г.Ибраһимов).

К числу общих закономерностей метафоризации глагола можно отнести следующие: 1) в систему метафоризации вовлечены преимущественно глаголы конкретного, предметно-бытового характера; 2) глаголы с конкретным вещественным значением преобразовываются в глаголы с отвлеченно-абстрактным значением; 3) отсутствует метафорическое значение у некоторых ментальных глаголов типа *думать, размышлять*.

В третьем разделе — «Виды метафорического переноса у глаголов» — исследуется проблема структурного состава глагольной метафоры и виды метафорического переноса. В структурном отношении глагольная метафора состоит из двух видов: простой глагольной метафоры и составной глагольной метафоры. Простая глагольная метафора состоит лишь из одного компонента. В предложениях с однокомпонентными метафорами в роли агента-субъекта действия выступают лексические единицы тематико-семантических сфер «Человек», «Животный мир», «Материальный мир». Образование простой глагольной метафоры, где в роли агента-субъекта действия выступает «Человек», можно отобразить в следующей форме: 1) процесс направлен от Человека к Человеку: *Гади бер машинисткага бөкрәргә мәжбүрбез*

(Приходиться идти с поклоном к простой машинистке); 2) процесс направлен от Материального мира к Человеку: *Кешеләр кайгыдан шартлылар* (букв. Люди от горя взрываются); 3) процесс направлен от Животного мира к Человеку: *Нәрсә ул бу тирәдә исәнәп йөрү?* (Что это он здесь вынохивает?).

Образование простой глагольной метафоры, где в роли субъекта действия выступает Материальный мир, происходит по следующим схемам: 1) процесс направлен от Человека к Материальному миру: *Кызлар жырын тыңлый ак болыт* (Белое облако слушает песню девушек) (Марс Шабай); 2) процесс направлен от Животного мира к Материальному миру: *болыт дулый* (облако бушует); 3) процесс направлен от Материального мира к Материальному миру: *Иртә белән кайнамакта бу базар* (букв. По утрам кипит этот рынок) (Г.Тукай).

Составная глагольная метафора состоит из двух или нескольких компонентов. Здесь в метафоризацию вовлекается не только слово, обозначающее процесс, а целая фраза. Фразеологические обороты образованы посредством метафорического и метонимического переноса слов, входящих в их состав. В факультативных идиомах образование метафор связано с контекстом. В одном контексте глагол и зависимые от него слова вступают в свободные словосочетания, в другом же компоненты образуют идиоматические выражения. В структуре составной глагольной метафоры можно выделить такие концепты как *ут* (огонь), *ялкын* (пламя), выражающие различные состояния природы. Метафоры в таких предложениях выражают внутреннее психологическое состояние человека: *авызыннан ут чыгару* (букв. изо рта выпускать огонь); *ялкын бугазга ябышу* (букв. пламя приклеилось к глотке), *яшьлек ялкынында яну* (букв. гореть в пламени молодости). Другую группу составляют слова, которые обозначают органы человека: *йөрәк* (сердце), *эч* (живот), *жан* (душа), *баш* (голова), *бизгәк* (лихорадка): *йөрәк яна* (букв. сердце горит), *бизгәк тоту* (лихорадить), *жан кыйнау* (букв. бить душу).

Третью группу образуют глагольные метафоры, обозначающие абстрактные понятия. Например, такие лексемы, как: *куәт* (мощь), *дәрт* (страсть), *гыйшык* (любовь), *хәсрәт* (горе), *тойгы* (чувство): *хәсрәт чигү*, *ачу кабару*, *дәрт өстәлу*, часто служат для образования глагольных метафор. В фольклоре, в произведениях древнего периода экспрессия этих выражений была достаточно яркой. Например, много образных выражений обнаруживается у поэта XIII века Кул Гали: *кан аглау* (букв. плакать кровью); У Г.Кандалый (они выражают любовные переживания лирического героя): *агыйздук энжүләр сачып* (посыпались слова словно жемчужины); у Акмуллы: *йөрәк очу* (букв. полет сердца). В прозе же чувствуется прозаичность, некоторая приземленность, уход от торжественности: *Бер-беренә очрадыклары вакытта ... йөрәкләре селкенер ...* (Когда встречались вместе, сердца их тряслись) (Р.Фәхретдинов).

В четвертом разделе — «Метафора-олицетворение» — нами отдельно рассматриваются особенности образования и функционирования метафор-олицетворений. В науке до сегодняшнего момента нет единства мнения по

вопросу соотношения метафоры-олицетворения к тропам или к отдельному разряду глагольных метафор. Так, Г.Л.Абрамович, И.Б.Баширова, А.П.Квятковский, Х.Р.Курбатов, Л.А.Новиков, В.И.Сорокин, В.Х.Хаков определяют его как отдельный вид тропов. Н.Д.Арутюнова, Е.Ю.Ваулина, Г.Н.Скляревская рассматривают олицетворение в составе глагольных метафор. Т.е. здесь происходит перенос названия процесса от человека к природным явлениям, животному миру, абстрактным понятиям. Однако, по нашему мнению, деривации значения чаще всего не происходит, семантика лексической единицы не меняется.

Метафоры-олицетворения в поэзии употреблялись издавна. В произведениях древних веков поэты прибегали к довольно сложным иносказательным метафорическим выражениям. Например, в своей поэме «Кутадгу белек» Йусуф Баласагуны умело использовал возможности поэтического языка той эпохи. Вот как описывается начало дождя в поэтических строках: ...*Каш жыерды кук* — кузеннэн яшь акты, кук кукраде — *орды хан барабаны*... (Небо нахмурило брови — полились слезы из глаз, загремел гром — ударили ханские барабаны). Сложные формы метафор-олицетворений часто использовал и поэт средневековья Котб в своем произведении «Хөсрәү вә Ширин»: *Кояш җиз калканын диңгезгә салды* (Солнце опустило в море медную броню). Витиеватость, избыточная образность ранней стадии лингвотворчества является результатом низкого уровня абстрагирования, которое обуславливает потребность в более сложной системе определений. Развивая мысль В.Н.Вовка (1986) по поводу метафоричности языка той эпохи, следует отметить, что образность языка этого периода литературного творчества является синкретическим союзом практической и мифопоэтической речи. Н.Хисамов (1994), соглашаясь с ним, в своей статье «Стихотворная культура Золотой Орды» также затрагивает роль сложных метафорических форм в отображении действительности через стихотворную фактуру.

В пятом разделе — «Глагольные метафоры, выраженные лексическими единицами, относящимися к области психической деятельности» — рассматриваются глагольные метафоры, мотивированные психикой человека. В отношении глагольной метафоры мы придерживаемся классификации Е.Ю.Ваулиной (1993), которая все объекты действительности объединяет в три семантические сферы: «Материальный мир», «Животный мир», «Человек». Последняя сфера — «Человек» — подразделяется на четыре области, которые представляют собой различные стороны деятельности человеческого существа: «Человек как физическое существо», «Человек как психическое существо», «Человек как социальное существо» и «Абстракция как продукт категоризирующей и обобщающей умственной деятельности человека».

Семантическая сфера «Человек как психическое существо» является важным объектом метафоризации. Но в то же время лексика этой сферы не

является источником метафоризации, т.к. человеку не свойственно сопоставлять предметы и явления мира с элементами своей психической деятельности.

Среди метафор, отражающих психическую деятельность, можно выделить глаголы, характеризующие умственные способности человека, процессы восприятия, память, воображение, эмоции, настроения, моральные и нравственные качества. Между этими группами провести четкую грань невозможно. Но в этом случае метафоры можно классифицировать по их семантической роли в предложении. Первую группу составляют идеальные психические концепты: «желания», «чувства», «мысли», «настроения» и т.д. — *фикер ялырады* (мысль блеснула), *уйлар кайный* (мысли кипят). В роли объекта метафоризации выступают различные семантические сферы: психическая деятельность сопоставляется с процессами материального мира, физическими процессами: *хисләр уңа* (чувства линяют), *ачу таша* (обίδα переполняет) — перенос от Материального мира к Человеку как психическому существу, с действиями животного мира: *уйлар безелди* (мысли жужжат), *теләкләр оялый* (желания гнездятся) — перенос от Животного мира к Человеку как психическому существу; психические состояния ассоциируются с физическими процессами: *уйлар сикерә* (мысли прыгают), *каеф күтәрелә* (настроение поднимается); социальные действия переходят в область психических: *хисләр патшалык итә* (чувства царствуют), *махәббәт тормышны яктырта* (любовь освещает жизнь) — перенос от Человека как социального существа к Человеку как психическому существу.

Вторую группу составляют глаголы-метафоры, где субъектом действия является непосредственно сам человек. Они характеризуют его умственную деятельность, его мыслительные способности, процессы формирования понятий: *уйдан уйга сикерә* (прыгает от мысли к мысли), *хәбәрләргә йота* (глотаet известия), *белемне эләктерә* (хватает знания), *фикерне улчи* (измеряет мысль).

В татарском языке большой пласт составляют метафоры, характеризующие эмоциональное состояние человека. Еще Дж.Лаков и М.Джонсон отмечали, что языковые средства выражения эмоций в высшей степени метафоричны. Эмоциональные сферы человека сопоставляются с явлениями материального мира: с огнем: *махәббәт яндыра* (любовь сжигает); с водной стихией: *кайгыдан кибә* (сохнет от горя); с растительным миром: *өмет чәчәк ата* (надежда цветет).

Четвертая глава — «Метафора как средство создания образной речи» — состоит из трех разделов. В первом разделе — «Стилистическая типология метафор» — представлены различные классификации метафор по определенным основаниям. Общепризнанным является разделение метафор на языковые, «стертые», авторские-«живые», основанные на их стилистических свойствах. Основу этого деления заложил еще Ш.Балли (Балли, 1961, 226-229), который различал три этапа языковой образности: конкретно-чувственный образ, эмоциональный образ и мертвый образ. Эти типы образности свойственны и

метафорическим переносам. В индивидуальных метафорах сама процедура метафорического переноса осуществляется в рамках взаимодействия вербально-образных комплексов, а не только значений и семантических полей.

В работе глагольные метафоры рассматриваются в оппозициях «языковая метафора/генетическая метафора», «языковая метафора/индивидуальная метафора». Отличие генетической метафоры от языковой заключается в «утрате мотивированности, выпадении элемента сопоставления из семантической структуры слова» (Скляревская, 1993, 41). Также в генетической метафоре отсутствует образность, двуплановость, экспрессивность, оценочность, все то, что свойственно языковой (узуальной) метафоре. В основе второй оппозиции лежат гносеологические различия (языковая метафора отражает коллективную репрезентацию действительности, художественная метафора стремится преодолеть его). Различия имеются и в лексическом статусе каждого из них (языковой метафоре свойственна самостоятельность, воспроизводимость, художественной же – контекстная связанность). Индивидуальная метафора – категория художественной речи. Производство индивидуальных метафор состоит в расшатывании общепринятого контекста употребления слов: *болыт кар или* (облако просеивает снег) (Х.Туфан), *чэчэк йөрэк* (цветок-сердце) (Ә.Еники), *лирикалар балы* (мёд лирики) (Ә.Фәйзи).

Второй раздел – «Употребление метафор в соответствии со стилями» – посвящен вопросам функционирования метафор соотносительно со стилями татарского языка.

Сфера метафорического употребления речевых средств различна, и определяется она стилистической неоднородностью литературного языка. В стилистической типологии метафора понимается как образное средство, выполняющее риторическую функцию, функцию изобразительности речи. Основным принципом объединения метафор в классы в данной типологии является степень их образности и выразительности (Ш.Балли, И.Р.Гальперин, Х.Р.Курбатов). Различным стилям соответствуют различные метафорические системы, принципы метафоризации. В то же время различно отношение к метафоре в пределах одного стиля, в зависимости от направленности и особенностей метафорического мышления говорящего.

Слова, относящиеся к высокому стилю, в стилистике называют книжной лексикой, в составе которой выделяют и поэтизмы (Кожина, 1983). Поэтизмы активно участвуют в процессе метафоризации: *гомер тажы* (корона жизни), *тәкәбберлек пәрдәсе* (занавес надменности).

Особенности высокого стиля проявляются в лироэпическом произведении Кул Гали «Кыйссаи Йосыф» (XIII в.), в стихах Умми Камала (XV в.), в поэмах Мухамедьяра «Төхвән мәрдан», «Нуры содур» (XVI в.). Метафора в них сообразно стиливым возможностям звучит благородно, элегантно.

Даже произведение религиозно-дидактического характера Насретдина Рабгузи «Кысасел-энбия» («История пророков») содержит наполненные

лиризмом поэтические метафоры: *каламеңдин чыккан гыйбрәт* (букв. из-под пера вышедшее назидание), *кузинең яшидин чишимләр, дариалар заһир булды* (букв. из слез образовались родники). В «Мәхәббәтнамә» Харезми (XIV в.) явственно звучат отголоски мира «величественных вещей»: фигура соотносится со стройными соснами, кипарисами, райскими деревьями, зубы уподобляются жемчугам. Образцы метафор высокого стиля: *ялкынлы кызгану* (букв. пламенная жалость), *халык туфаны* (букв. лавина народа), *кайгы нәрдәсе* (букв. занавес печали) несут большую смысловую нагрузку.

Метафор высокого стиля много и в публицистике: *беренче карлыгачлар* (первые ласточки), *илһам чишимәсе* (родник вдохновения).

В произведениях, написанных в среднем стиле, метафора опирается на нейтральный лексический пласт. С помощью метафор общепотребительные слова способны создавать образность: *Яшел чуклы каеннарға сокланам* (Восхищаюсь березами в зеленых шалях) (Ә.Ерикәй). *Бөрелә ботаклар тирбәтәп, сап-сары толымлы җил йөри* (Баюкая набухшие почками ветви, гуляет желтокопый ветер) (Г.Ахунов). Интересная параллель проводится в эпитафии на надмогильной плите 1522 года:

Улем куанҗысы йетте, Бизим куанҗымыз китте.

Мәгәр шоңқар булып очты

(Радость смерти настигла, А наша отрада покинула нас ...

Кречетом улетела...)

У всех народов для выражения утраты близких им людей обычно используется выражение «горечь смерти». Надо отметить, что в татарской языковой картине мира отношение наших предков к вечному миру не всегда было стереотипным, естественная смерть воспринималась как радостный переход к вечности: *улем куанычы* (радость смерти).

Лексика, относящаяся к низкому стилю, также активно метафоризируется: ... *борыны белән бүрәнә тарттырып алды* Гайфуллин (букв. Гайфуллин ташил носом бревно) (Ф.Хәсни); *иләк авыз* (сито-рот) (Г.Тукай) и т.д.

Метафора, содействуя выполнению основной функции публицистического стиля — воздействующей, является специфической принадлежностью данного стиля. В силу такого характера публицистического стиля наблюдается тенденция к вымиранию неактуальных метафор и созданию новых, релевантных общественно-политическим процессам, происходящим в каждом обществе и находящим отражение на страницах периодической печати. Многие традиционно употребляющиеся в публицистике метафоры потеряли свою узуальность: *хезмәт вахтасы* (трудовая вахта), *көрәш эстафетасы* (эстафета борьбы), другие сохраняются и употребляются в ином контексте. Таким образом, наблюдается некое обновление и дистрибуция языковых средств.

Жанр публицистики требует от писателя умения метко применять метафоры. В начале XX века в этой области преуспели Г.Тукай, Ф.Амирхан, Ш.Мухаммедов, Ш.Камал. Например, Г.Тукай создал метафоры, которые

актуальны и сегодня: *коллык галамәте* (букв. чудо рабства), *көфер почмагы* (букв. угол ереси), *азатлык кояшы* (букв. солнце свободы).

Третий раздел — «Употребление метафор в соответствии с жанровыми особенностями» — рассматривает метафоры в разных жанрах. Каждый жанр накладывает свой отпечаток на стилистическую окраску метафор. В лирике на первый план выходят чувства и эмоции, поэтому в лирическом произведении активно используются лексемы абстрактного содержания: *йөрәк* (сердце), *гомер* (жизнь), *сагыш* (печаль), *кайгы* (горе), *махәббәт* (любовь) и др. Например,

*Файдасыз Бер ит кисәгеннән гыйбарәттер йөрәк, —
Парә-парә кисмәсә гыйшык-махәббәт кайчысы.*

(Ведь пока не искромсает сердце нам любви клинок,

Что такое наше сердце? — Просто мускулов комок) (Г.Тукай).

А.Навои в своей поэме «Фархад и Ширин» с помощью оригинальной метафоры *гомер аждаһасы* (букв. дракон жизни) смог создать неожиданную антитезу:

Эчеп шәрап, ачык бер куңелебезне Гомер аждаһасы чакканчы безне.

(Выпив вина, повеселимся, Пока дракон жизни не ужалит нас).

В сатирических произведениях для достижения комического эффекта часто используются слова и выражения в их неожиданных ракурсах. Использование одного и того же слова одновременно и в прямом, и в переносном значениях создает комический эффект. Например, Хәзрәтләремез: «Дөнья — үләксә, аңар гашыйк — *эт*, — дигән булалар; әллә үзләрен *эт* дип беләләрме? (Говорят, что мир — падаль, влюбленные в нее — собаки; они считают себя собаками?) (Г.Тукай).

Четвертый раздел — «Приемы использования метафор в художественной литературе» — посвящен анализу приемов метафорического словоупотребления. Эти приемы, представляющие определенную систему, отличаются друг от друга своими особенностями в способах передачи изобразительности.

1. Прием параллельного использования прямого и переносного значений. Так, М.Джалиль умело использовал двуплановость слова при образовании метафорического выражения. Например,

Юкка, кордаш, карны каргаганбыз,

Каплады, дип, айның юлларын.

Буран безне үзе айга илтте,

Саташтырып авыл юлларын («Буран»).

Здесь в одной строфе пересекаются и прямое *ай юлы* (лунная дорога) и переносное *Буран безне үзе айга илтте* (Буран привел нас к луне, здесь под словом *ай* подразумевается образ девушки) значения традиционно-поэтического образа *ай* (луна). Для раскрытия семантической и эмоциональной глубины слова поэт обращается к принципу уподобления.

В произведении Ф.Хусни «Жэяүле кеше сукмагы» («Тропа пешехода») метафора образована в результате случайного соседства сравниваемых объектов. Слово «закон», использованное в начале речи персонажа в своем прямом значении («Бурсык Аптулы ыштансыз кала дип тормаслар, *закон* алай дип тормый ул»), к концу диалога превращается в метафору («Алайса, мә...Иң элек минем *законны* авыз итеп кара»). В публицистике также часто встречаются метафоры, образованные на основе рядоположения далеких друг от друга понятий: «Татарстанмы бу, әллә *Чеховның тилергәннар палатасымы?*» («Татарстан ли это, или чеховская палата для душевнобольных?»), «Шагыйрь характеры — *почмаклар һәм сынык сызыклар патшалыгы*» («Характер поэта — царство углов и ломаных линий») (А.Хәлим).

2. Прием «трансформации» «традиционных» метафор. Языковое мастерство любого писателя заключается в переосмыслении узуальных метафор, в вовлечении их в иную языковую ситуацию. Оживление метафор достигается метафорическим новообразованием, заменяющим износившийся поэтический образ другим, сходным по смыслу, но выраженным другими словами. Трансформирование известных народных метафор для различных стилистических целей встречается и в произведениях Г.Ибрагимова: *эзэнә төшите — аяк эзе ачылды* (проследил – букв. открылись следы ног).

Со временем метафоры претерпевают коннотативные изменения в семантической структуре и постепенно теряют образность. Но даже стертые со временем индивидуальные метафоры могут заполнить ряды трансформированных метафор. Например, известная в поэзии индивидуально-авторская метафора *март аеның нечкә билле жиле* (мартовский ветер с тонкой талией) (Һ.Такташ) в другой контекстной ситуации заново приобретает окказиональность: *Йөри идем бер кыз булып, Жүлдән нечкә бил булып* (Была я девушкой с талией тоньше ветра) (Л.Шагыйрьжан).

3. Прием использования метафор-загадок. В метафорах-загадках описываемый объект либо назван именем другого объекта: *кырда алтын үсә* (в поле растет золото), либо описывается перифрастически: *ак алтын* (белое золото). В последнее время в поэзии некоторые короткие стихи полностью представляют собой интересную форму метафор-загадок. Например, в творчестве поэта Акъегета метафорический эффект достигается при помощи одновременного использования в одной строке текста загадки-субъекта и ее отгадки-предиката, где отгадка и является метафорой: *Шәфәктән соң калган көл — төн* (букв. Зола заката — ночь) или *Елмаюның көле — көлемсерәү* (букв. Зола улыбки — полуулыбка).

4. Прием, основанный на метафоричности целого текста. Метафора не бывает одиночной: она может развиваться в тексте, образуя целые цепочки образных выражений, а во многих случаях охватывать, пронизывать весь текст. Обычное употребление слова, благодаря его образному осмыслению, становится основой разветвленной, многоплановой метафоры. Пример такой метафоры,

использованной в стихотворении Р.Хариса, приводит Ф.Зулькарнай в своей книге «Өвөрөлөш: шигыр парадокслары»:

Һәр кешенең үз маягы, үз сукмагы, үз җае.

Берәүнең – бәхет йолдызы... Ә минем – бәхет аем!...

(У каждого человека свой маяк, своя тропа, свои возможности.

У кого-то звезда-счастье, а у меня луна-счастье)

В этом произведении абстрактное понятие «бәхет» (счастье) метафорически осмысливается через конкретное понятие «ай» (луна). В результате метафора становится средством упрощения сложной для понимания мысли.

5. Прием использования контаминированных метафор. О том, что в структуре текста одна метафора втягивает в процесс метафоризации другие от нее зависимые слова, отмечено было еще А.А.Потебней (1905). Контаминация хотя и осложняет процесс восприятия мысли, сам поиск этой мысли приносит эстетическое наслаждение читателю. Результатом контаминации являются не только абстрактные мысли, но и обычные картины жизни. Например, у поэта Р.Хариса за сложной контаминацией проступает простая мысль о бане, но сказана она высокообразно, ярко:

Жанны кабат оҗмах жылысына төрөм...

(Душу вновь оберну райским теплом).

6. Прием употребления синонимического ряда метафор. В градациях таких глагольных метафор свойство процессуальности претерпевает изменения: экспрессивно-эмоциональный компонент метафорического значения то усиливается, то уменьшается. Например, Г.Тукай так описывает тяжелую жизнь шакирдов:

Кибеп беттек, саргайдык без, корып беттек таяклардай.

(Высохли, пожелтели мы, засохли как палки).

Как видно, последняя глагольная метафора в градации сильнее выражает эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение адресанта к действительности.

7. Прием использования метафор-антитез. Например, в стихотворных строках *Берәүгә таҗ буласы суз Бер туң җанда олтырак* (Для кого-то слово – корона, для бесчувственной души она – стелька) (Р.Фэйзуллин) метафоры *таҗ* (корона) и *олтырак* (стелька) являются контекстуальными антонимами.

В заключении подытоживаются основные наблюдения и делаются выводы исследования, обобщаются результаты работы.

Метафора может рассматриваться не только как стилистическое средство и средство номинации, но и как способ создания языковой картины мира, как выражение менталитета говорящего.

В работе метафора рассматривалась с разных позиций:

— с семасиологической позиции, изучающей семную структуру метафоры, семантические процессы, формирующие метафорическое значение, соотношение сем в исходном и метафорическом значениях;

— с собственно лингвистической позиции, выявляющей и классифицирующей языковые свойства метафор (рассматривались словообразовательные свойства метафор, морфологические свойства, синтаксические свойства);

— с лексической позиции, исследующей метафору в пределах разных лексических групп (собственно сама тематическая классификация источников метафоризации);

— со стилистической позиции (метафора рассматривалась здесь как образное речевое средство, используемое в разных функциональных стилях);

— с лингво-литературоведческой позиции, где метафора одновременно является объектом и языка, и литературы (например, описание лингвистических свойств художественной метафоры);

— с когнитивной позиции, рассматривающей метафору как средство построения языковой картины мира.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В ведущем рецензируемом журнале ВАК:

1. Нугуманова, А.А. К вопросу о происхождении метафор / А.А.Нугуманова // Вестник Башкирского университета. — 2008. — Том 13. — №2. — С.286-290.

В научных сборниках и журналах:

2. Нугуманова, А.А. Метафора-олицетворение в творчестве М.Джалиля (М.Жәлил ижатында метафора-жанландыру) / А.А.Нугуманова // Система непрерывного образования: школа-педучилище-педвуз: Материалы Международной научно-практической конференции. Май 2003г. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2003. — С.222-226.

3. Нугуманова, А.А. Образование метафор на основе конкретных существительных (Конкрет исемнәр нигезендә метафора ясалу) / А.А.Нугуманова // Система непрерывного образования: школа-педучилище-педвуз: Материалы всероссийской научно-практической конференции.— Уфа: Изд-во БГПУ, 2004. — С.176-178.

4. Нугуманова, А.А. Глагольные метафоры, обозначающие психическое состояние человека, в творчестве М.Джалиля (М.Жәлил ижатында кешенен психик халәтен белдерүче фигыль метафоралар) / А.А.Нугуманова // Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 100 летию М.Джалиля. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. — С.85-90.

5. Нугуманова, А.А. Особенности образования и употребления глагольной метафоры (Фигыль метафораның ясалу һәм кулланылу үзенчәлекләре) / А.А.Нугуманова // Башкортостан укыткысыһы. — 2006. — №4. — С.58-60.

6. Нугуманова, А.А. Глагольная метафора: особенности образования и употребления / А.А.Нугуманова // Ядкяр. — 2006. — №3. — С.85-88.

7. Нугуманова, А.А. Отношение метафор к другим изобразительным средствам (Метафораның башка сурәтләү чараларына мөнәсәбәте) / А.А.Нугуманова // Система непрерывного образования: школа-педучилище-педвуз: Материалы всероссийской научно-практической конференции. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. — С.255-258.

8. Нугуманова, А.А. Особенности метафоризации глаголов (в отношении к тематическим группам) (Фигьльләрнең метафоралашуы үзенчәлеге (тематик төркемнәргә мөнәсәбәттә) / А.А.Нугуманова // Сб. материалов междунар. научно-практ. конф., посвящ. 80-летию кафедры татарской и чувашской филологии. — Стерлитамак: Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой, 2008. — С.195-198.

9. Нугуманова, А.А. Образование именных метафор: роль тематических групп (Исем метафораларның барлыкка килүе: тематик төркемнәрнең роле / А.А.Нугуманова // Башкортостан укытгыусыһы. — 2008. —№11. — С.41-44.

10.Нугуманова, А.А. Синестетическая метафора как результат соощения /А.А.Нугуманова // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 28 октября 2008 года, II. — Уфа: Издательство БГПУ. — С.62-64.

11. Нугуманова, А.А. Лексико-грамматические и стилистические особенности метафор в татарском языке (Татар телендә метафораларның лексик-грамматик һәм стилистик үзенчәлекләре): монография [Текст] / А.А.Нугуманова. — Уфа: Вагант, 2008. — 148 б.

10 =

Подписано в печать 27.02.2009 г. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Формат 60 x 84 1/16 Усл. печ. л. 1,8
Печать ризографическая
Тираж 110 экз. Заказа № 583

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии "GulaPrint"
420073, Казань, ул. Аделя Кутуя, 88